

ОЗЕРО

Носимы бурею по влаге океана,
Ужель осуждены мы грозным божеством
До гроба странствовать неведомым путем
Во мгле сгущенного тумана?

Я здесь, у озера! но время легкокрыло
Едва умчало год в течении своем —
И я уже один сижу на камне том,
Где я сидел с подругой милой!..

Об острие скалы прибрежной раздробленный,
Сонм сих валов тогда, как и теперь, стонал
И ветер бушующий нам ноги орошал
Летучей влагой легкой пены.

Все то ж, но я не тот! Однажды мы здесь плыли
На легком челноке; в безмолвии ночном
Лишь волны зыбкие, дробимые веслом,
Чуть слышный плеск производили;

Но вдруг волшебный звук гармонии небесной
Раздался в тишине окрестных берегов —
И эхо ближних гор и дремлющих лесов
Внимало пению прелестной.

“О время! удержи бег быстротечный свой!
Часы! медлительней летите!
Хотя на миг один продлите
Блаженство дышащих любовью одной!

Сраженный роком злым, страдалец в скорбный час
С тяжелым вздохом к вам взывает:
Он бытие скончать желает —
Летите для него, и позабудьте нас!

Но кто переменит превечного закон?
Кто, силой дерзкия десницы,
Замедлить может бег денницы
Иль солнцу запретить взойти на небосклон?

Так! Смертный времени полета не прервет!..
Усею же любви цветами
Путь жизни, проходимый нами, —
Забудем мир и то, что в будущем нас ждет!”

Увы! почто часы восторгов, наслаждений —
Для смертных страждущих дар неба золотой, —
Стремятся к вечности с такою ж быстротой,
Как дни печали и мучений?

Почто я не могу блаженства миг бесценный
Годами бедствия у неба искупить
Иль, жизнь мою отдав, прах хладный оживить
Моей Эльвиры незабвенной?

Она безвременно похищена могилой!..
Я мнил блаженствовать в волшебной сей стране,
Мечтал... но все прошло! одно осталось мне
Воспоминание об милой!

Места священные! свидетели безмолвны
Любови, радостей и горестей моих,
Скалы кремнистые берегов пустынных сих
И вы, пенящиеся волны!

Вы будьте памятник моей Эльвиры нежной!
Не может сокрушить вас времени рука —
Пусть здесь и тихое шептанье тростника,
Колеблема волной прибрежной,

И голос соловья на берегу кремнистом,
В час вечера, когда лазурный неба свод
Глядится в зыбкое зеркало спящих вод
При свете месяца сребристом,

И ветерки, что песнь Эльвиры разносили
По ближним берегам, и бури грозный рев,
И томный скрип грозой колеблемых дерев, —
Пусть все твердит: они любили!

Перевод М.П. Вронченко

Источник: Французская элегия XVIII-XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. – М.: Радуга, 1989. – С. 363-365.